

9. Коплстон Ф. Ч. Аквинат. Введение в философию великого средневекового мыслителя; [пер. с англ. В. П. Гайденок] / Фредерик Чарльз Коплстон. – СПб.: “Вестком”, 1999. – 274 с.

10. Шевченко Т. Повне зібрання творів: у 12 т.; [Редкол.: М. Г. Жулинський та ін.] / Тарас Шевченко. Т. 1: Поезія 1837–1847. – К.: Наук. думка, 2001. – 784 с.: портр.

УДК 882(091)

Гузаевская С.Н.
(Новосибирск, Россия)

ДИСКУРС ЧУДА И ОТКРОВЕНИЯ У Л.Н. ТОЛСТОГО

Статтю присвячено питанню специфіки функціонування дискурсу дива і откровення у публіцистиці і художніх текстах Л.М. Толстого

Ключові слова: *диво, откровення, Толстой*

Статья посвящена специфике функционирования дискурса чуда и откровения в публицистике и художественных текстах Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: *чудо, откровение, Толстой*

The article deals with the specific character of miracle's discourse in literary and journalistic works by Leo Tolstoy.

Key words: *miracle, revelation, Tolstoy.*

В русской литературе XIX века тема чуда, основополагающая для всей европейской культуры, проблематизирована Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Важнейшая мысль романа «Братья Карамазовы» по этому поводу: «В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры». В романе «Преступление и наказание» чудо и вера связаны непосредственно и тесно. Порфирий Петрович спрашивает Раскольникова, верит ли тот в воскресение Лазаря, причем переспрашивает: «Буквально веруете?» Нерациональность веры в чудо колеблет веру в Бога, а если Бога нет, то все дозволено.

Знаменитый эпизод чтения Евангельского воскресения Лазаря большинство исследователей Достоевского склонны рассматривать символически – как провозвестие воскресения Раскольникова и Сони в эпилоге романа. Однако в логической структуре романа первый и второй приходы Раскольникова к Соне соотносятся как проповедь веры (Соня читает о чуде) и попытка искушения (Раскольников предлагает Соне судить о пользе жизни Лужина и Катерины Ивановны). Читая Евангелие, Соня грезит об обращении Раскольникова: ««И он, он – тоже ослепленный и неверующий, – он тоже сейчас услышит, тоже уверует, да, да, сейчас же, теперь же», – мечталось ей и она дрожала от радостного ожидания»[1 (6: 251)]. Соня читает так, словно она сама – свидетельница чуда воскресения. Последние слова отрывка выделены курсивом, им придано особое значение: «Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в

© Гузаевская С.Н., 2011

него»[1 (6: 251)]. Однако чудо не действует на Раскольникова. Соня понимает это по тому, что он не пал, не зарыдал, не уверовал. «Все об воскресении Лазаря – отрывисто и сурово прошептала она и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него глаза».

Желание чуда – важнейшее искушение для героя Достоевского, не могущего ни полюбить, ни уверовать – просто, но всегда стремящегося найти причину для любви и веры. Человек Достоевского хочет видеть чудо и свидетельствовать о чуде, чтобы быть уверенным чудом. Л.Н. Толстой, в отличие от Достоевского, отбрасывает чудо безоговорочно. Его принципиальное несогласие и с традиционным православием, и с христианством различных сект заключается в отрицании Богосыновства Иисуса и в отрицании Благодати.

Отрицание Богосыновства на продолжительное время приводит Толстого к религии без Бога. Логос Евангелия от Иоанна Толстой, как известно, переводит словом «Разумение». Поэтому богословие, изучающее отношения между лицами Святой Троицы, он считает роковым заблуждением христианства. Главным чудом Толстому представляется Воскресение Христа, поэтому оно с особенной настойчивостью отвергается. Особое отношение Толстого к теме чуда обусловлено тем, что, во-первых, он считал Иисуса человеком, а не Богом, а во-вторых, отменял индивидуальную жизнь, видя жизнь духа лишь во всеобщности и взаимосвязи людей. Игорь Мардов пронизательно замечает, что Толстой видел во Христе такого же человека, как и он сам, так же пришедшего к пониманию жизни Духа и проповеди ее [2: 38]. Как явствует из комментария, сделанного Толстым к Четвероевангелию, Воскресение представлялось ему ненужным, нелогичным и противоречащим смыслу учения Христа, поскольку его учение должно применяться только к земной жизни и служить достижению Царства Божия на земле. Продолжая свою мысль, он утверждает:

«Воскресение, как всякий рассказ о чем-то таком, чего понять нельзя, ничего доказать не может.

Воскресение, как всякое чудо, если кто его видел, может доказать только то, что случилось что-то противное законам разума и что человек, подвергшийся чуду, подвергся чему-то необыкновенному, и больше ничего. Если же на основании чуда делают то умозаключение, что человек, не подлежащий законам разума, есть необыкновенный человек, то это заключение правильно только для тех, которые созерцают чудо и пока они его созерцают. Рассказ же о чуде никого убедить не может, так что истинность надо подтверждать чудом, случившимся с рассказчиком.

Чудо воскресения прямо противоположно учению Христа... Надо совсем не понимать его учения, чтобы говорить о возможности его воскресения в теле»[3 (24:791-792)].

Истинным воскресением, по Толстому, является не воскресение в теле, о невозможности которого он постоянно говорит, а обнаружение присутствия Царства Божьего внутри человека. Воскресение – победа духа над плотью.

В 1876 г. Л.Н. Толстой пишет своей тетке Александре Андреевне: «Мне тоже было очень радостно ваше мнение о том (если я правильно его понял), что обращения не бывают, или редко, – мгновенные, а что нужно пройти через труд и мучения. Мне это радостно думать, потому что я много и мучился и трудился, и в глубине души знаю, что этот труд и мучения есть самое лучшее из того, что я делаю на свете. И это деятельность

должна получить награду, – если не успокоение веры, то сознание этого труда уже есть награда. А теория благодати, нисходящей на человека в Английском клубе или на собраниях акционеров, мне всегда казалась не только глупа, но и безнравственна» [3 (62: 266)].

Слово благодать Толстой переводит в Четвероевангелии как богоугождение, богопочитание [2: 56]. т.е. нечто совершенно противоположное: не движение Бога к человеку, а исполнение человеком Закона, живое служение. Благодать дается верой, она принадлежит церкви, называемой Толстым *иерархия*. Церковь-иерархия присвоила Бога и распределяет его в виде благодати через совершение таинств [6]. Поэтому Толстой, разделяя и противопоставляя веру и дело, выбирает дело – любви.

На протяжении всего долгого творческого и жизненного пути Л.Н. Толстой составлял «правила жизни», как называет их герой романа «Воскресение» Дмитрий Нехлюдов. Толстой составлял их в заметках Дневника, и то же самое делали его герои. Большая часть публицистики Толстого принадлежит жанру «правил жизни» – в этом отношении наиболее красноречиво название трактата «Так что же нам делать?», взятое из Евангелия от Луки: «И спрашивал его народ, что же нам делать? И он сказал в ответ: у кого есть две одежды, тот отдай неимущему; и у кого есть пища, делай то же. (Луки III, 10, 11)» [3 (25: 308)]. Эта цитата, как известно, является эпиграфом к трактату. Но самой серьезной работой над составлением «правил жизни» стало «Соединение и перевод четырех Евангелий». В Общем изложении главы четвертой «Закон» Иисус Толстого говорит «Закона тогда только не будет, когда люди сами собой все будут исполнять по закону. И вот я вам даю правила для исполнения закона» [3 (24: 279)]. Толстой прямо говорит о своем понимании Откровения и, следовательно, о назначении Четвероевангелия: «Откровением я называю то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, – созерцание божественной, т.е. выше разума стоящей, истины. Откровением я называю то, что дает ответ на тот неразрешимый вопрос, который привел меня к отчаянию и самоубийству, – какой смысл имеет моя жизнь... Если он не отвечает на этот вопрос, то он мне не нужен. Ответ должен быть такой, чтобы хотя сущность его (как и сущность Бога) и была бы непостижима в себе, но чтобы все выводы последствий, получаемые от него, соответствовали моим разумным требованиям и чтобы смысл, приданный моей жизни, разрешал бы все вопросы моей жизни» [3 (24: 14)]. Значение Откровения для человека – разумное принятие правил жизни, закона.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Толстой дописывает Евангелие всю жизнь, не относясь к нему как к священному тексту. Говоря о евангелистах, Толстой рассуждает как писатель о писателях, критикуя их за грубость. Он говорит: «чудеса писались».

В Четвероевангелии Толстой не только предлагает свое прочтение Евангелия, но и настойчиво говорит о необходимости для каждого человека задуматься над жизнью в мире, с людьми, изменить свое отношение к ней. В Евангельском тексте Толстой обращает особенное внимание на такие многочисленные эпизоды, которые взывают к разуму и здравому смыслу в человеке. Так, Иисус отвергает субботу «на основании здравого смысла, разума, которое стало в основе всего», он говорит: «овцу вытащить из колодца можно, а человеку нельзя помочь, – это бессмысленно» [3 (24: 109)]. «И он сказал народу: когда видите тучу с запада, тотчас полагаете, что будет дождь, и так бывает. И когда с полдня дует, полагаете, что будет вёдро, и так бывает. Вид земли и неба умеете

достигать, а эту жизнь не постигаете. Что же вы о себе не рассуждаете верно?» [3 (24: 125)]. В Четвероевангелии разуму-логосу, разумению противопоставлено непонимание, неразумие. Позже, в публицистике, в дневниковых записях появятся слова «безумие» и «сумасшествие».

Дневник от 29 марта 1884 г.: «Две вещи мне вчера стали ясны: одна неважная, другая важная. Неважная: я боялся говорить и думать, что все 99/100 сумасшедшие. Но не только бояться нечего, но нельзя не говорить и не думать этого. Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумасшедшими, стараясь не раздражать их и вылечить, если можно. 2) Важная: Если точно я живу (отчасти) по воле бога, то безумный, больной мир не может одобрять меня за это. И если бы они одобрили, я перестал бы жить по воле бога, а стал бы жить по воле мира, я перестал бы видеть и искать волю бога. Таково было твое благоволение» [4].

Одна из последних статей Толстого «О безумии» (1910 г.): «Так для меня стало очевидно, что большинство человечества, в особенности христианского мира, живет в наше время жизнью прямо противоположной и разуму, и чувству, и самым очевидным выгодам, удобствам всех людей – находится в состоянии, вероятно, временного, но полного сумасшествия, безумия» [3 (38: 404)].

Неразумием и сумасшествием оказывается нежелание принять откровение истины, «правила для исполнения закона», вопреки разуму, напоминающему о смертности плоти, которая представлена дьяволом, но опять-таки не в традиционном понимании, а своеобразном: то, что заставляет нас забыть о Боге и его законах. Подробно дьяволу плоти посвящен разбор эпизода искушения Христа в пустыне в «Соединении и переводе четырех Евангелий». Этот эпизод, по мысли Толстого, показывает, что ни дух, ни плоть не могут победить единолично. В человеке всегда раздается голос как духа, так и плоти. Но у большинства людей голос плоти заглушает голос духа. Поэтому очевидные для Толстого выгода и удобство жизни согласно слову Христа не приемлемы для 99/100.

В толстовском мире чудо – это в первую очередь соблазн, когда вместо собственного разумения человек надеется на некое внешне явленное чудо, – и потому оно опасно. Опасна сама возможность связывать чудо с верой, т.е. (согласно Толстому) принятием закона Христа. О соблазне чуда читаем: «Очевидно, что чудеса писались Лукою для утверждения в вере, и, вероятно, были люди, утверждавшиеся в вере этим чтением. Но теперь нельзя найти более кощунственной книги, более подрывающей веру. Может быть, нужна свеча там, где мрак. Но если есть свет, то его незачем освещать свечкой: он и так будет виден. Христовы чудеса – это свечи, которые приносят к свету, чтобы осветить его. Есть свет, то он и так виден, а нет света, то светит только поднесенная свечка» [5: 12].

Вера в чудеса и чудесное представлялась Толстому одним из пяти способов обмана веры, т.е. искажения истины. Так, рассматривая догматы христианского учения, он пишет: «Истина не нуждается во внешнем подтверждении и принимается свободно всеми теми, которым она передается, но обман требует особенных приемов, посредством которых он мог бы передаваться людям и усваиваться ими; и потому для совершения обмана веры употребляются теми, которые их совершают, во всех народах, всегда одни и те же приемы.

Таких приемов пять: 1) перетолкование истины, 2) вера в чудесное, 3) установление посредничества между человеком и Богом, 4) воздействие на внешние чувства человека и 5) внушение ложной веры детям» [6]. В каждом из пяти случаев ложная вера основана на отказе от разума. Чудо не согласуется с разумением и отрицает его, поэтому и церковное понимание веры как доверия наперед ко всему, что будет сказано, не устраивает Толстого.

Между тем, говоря о чудесах такого рода, о чудесах явленных, Толстой затрагивает лишь небольшой и самый наивно понятый (он говорит о язычестве и по-своему – прав) пласт тех явлений, которые принято называть чудом. Такого рода чудеса свойственны, например, фольклору. Но развитие романного жанра, связываемое с формированием субъективности и разрушением монологического целостного мира, в котором герой был всегда равен сам себе. В новое время чудо – изменение внутреннего состояния без внешней мотивации. Об этом говорит, в частности, Людвиг Витгенштейн в своей «Лекции об этике». «Я опишу опыт удивления существованию мира, сказав, что это опыт видения мира как чуда. Я склонен считать, что верным обозначением в языке чуда существования мира будет само существование языка (хотя это и не является предложением в языке). Но тогда что же означает быть осведомленным об этом чуде в одно какое-то время и быть неосведомленным в другое? Ибо все, что я сказал, перенося описание чудесного (опыта) из выражения «с помощью языка» в выражение «благодаря существованию языка», – это опять же сводится к тому, что мы неспособны выразить то, что хотим. Все, что мы говорим об абсолютно чудесном, остается бессмысленным» [7: 334]. Витгенштейн говорит это для того чтобы показать, что всякое этическое и религиозное выражение «неправильно» употребляет язык.

Этот опыт переживания мира как чуда дан у Толстого в «Анне Карениной». Восьмая часть романа, в которой рассказывается о чуде обретения веры, произошедшем с Левиным, содержит часто используемый Толстым эпизод видения, содержащего метафорический образ – своеобразное откровение истины. Видение Левина отличается от столь сходного с ним по форме видения Пьера в «Войне и мире». Пьер постиг законы существования мира, в котором все *сопряжено*. Левин постиг не законы, но ощутил свою *причастность* миру. Поэтому только в речи Левина появляется слово «чудо» как отказ от всех остальных слов: ««Если добро имеет причину, оно уже не добро; если оно имеет последствие - награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро вне цепи причин и следствий».

«И его-то я знаю, и все мы знаем».

«А я искал чудес, жалел, что не видал чуда, которое бы убедило меня. А вот оно чудо, единственно возможное, постоянно существующее, со всех сторон окружающее меня, и я не замечал его!»

«Какое же может быть чудо больше этого?»» [3 (19: 377)].

Левин отказывается от одного чуда в пользу другого, абсолютного. Здесь чудо – типично толстовское, но и подразумеваемое Витгенштейном. Это жизнь души (пока еще не духа), общая для всех людей, не замеченная раньше, но теперь очевидная для Левина.

Поэтика чуда фактически заканчивается «Анной Карениной». Все моментальные духовные просветления героев Толстого чудесны по своей природе, поскольку обусловлены пониманием мира как чуда. Это мир гармонической природы, соположенный миру

человеческой истории. Событие – манифестация чудесного – происходит для того, чтобы выключить героя из событий истории и пробудить в нем внутреннего (духовного, как будет сказано в романе «Воскресение») человека. Чудесный гармонический мир, как известно, ответствен за душевный (но не духовный) переворот князя Болконского, лежащего под небом Аустерлиц: Левина, наблюдающего за бегущими облаками. Здесь чудесна сама моментальность, незаметность перехода в новое состояние. Толстой, отказавшийся от причинно-следственных связей, исторических причин в «Войне и мире», предлагает чудо мира как внеисторическую и вневременную причину всего.

У позднего Толстого чудо мира уже не может являться причиной воскресения духа в человеке. Кризис рубежа 1870-1880-х годов и перевод Евангелия, выполненный Толстым, полностью изменил его взгляды на место человека в истории. Теперь человек перестает быть «дифференциалом истории», перестает быть погруженным в историю, поэтому Толстой окончательно отказывается от фабул, сосредоточиваясь на сюжете Воскресения в человеке – духа. Вместе с чудесами Евангелия он отменяет и все чудесные просветления своих героев. В этот поздний период Толстой приходит к убеждению о разумности духа человека, видящего свет разумения. Изменение сознания теперь описывается Толстым как исцеление от безумия, но не спонтанное, не чудесное, а разумное. Безумствующий должен осознать свое безумие и воскреснуть, прозреть, исцелиться. Все наименования Евангельских чудес превращаются в метафоры воскресения духа. И жизнь – жизнь духа – начинается только после Воскресения. Ключом к Воскресению Толстой считал текст Евангелия. Поэтому в романе «Воскресение» чтение Евангелия в финале принципиально, но недоговорено, так что даже пронизательный В.Б. Шкловский считал этот эпизод художественной неудачей. А в гораздо более схематичной неоконченной повести «Фальшивый купон» чтение Евангелия перенаправляет сюжет от распространения в мире зла к распространению добра. «И [в] воскресенье пришел не все, но трое к портному, и стал он им читать.

Прочел пять глав Матвея, стали толковать. Все слушали, но принял только один Иван Чув. И так принял, что стал во всем жить по-божьему. И в семье его так жить стали. От земли лишней отказался, только свою долю взял.

И стали к портному и к Ивану ходить, и стали понимать, и поняли, и бросили курить, пить, ругаться скверными словами, стали друг другу помогать. И перестали ходить в церковь и снесли попу иконы»[3 (36: 27-28)]. Чтение Евангелия в тюрьме позволяет Степану Пелагеюшкину узнать момент непротивления злу – убийство Марии Семеновны. Без текста Евангелия этого знания не случилось бы, но без непротивившейся жертвы было бы нечего узнавать. Закон понимается только осознанием свое беззаконие. И это не чудо.

В контексте христианской европейской культуры отказ Толстого от чуда весьма своеобразен и не сводится к банальному отрицанию чуда, свойственному рационалистическому мышлению. В предисловии к сборнику народных рассказов «Цветник» Толстой объясняет свое отношении к теме чуда и чудесного в литературе: «Какие бы чудеса не описывались, какие бы звери не разговаривали бы по-людски, какие бы ковры-самолеты не переносили бы людей, – и легенды, и притчи, и сказки будут правда, если в них будет правда царствия Божия»[3 (26: 309)]. Он считает литературный сюжет вспомогательным, иллюстративным материалом, поэтому не важно, есть ли чудо в мире, описывается ли

оно в том или ином произведении. Важно, что чудо не подтверждает истинности Откровения, и в этом принципиально новое отношение Толстого к чуду: «Я могу себе представить, что благодаря уверенности в чуде люди понимали важность учения и обращались к нему. Чудо было не доказательством истинности, но доказательством важности дела. Чудо заставляло обращать внимание, чудо была реклама»[5: 612]. Это Толстой пишет в комментарии по поводу отсутствия чуда Воскресения в его Четвероевангелии.

Чудо Воскресения Христа, легенда, как называет его Толстой, затемняет смысл учения и создает *соблазн*. Соблазнительности чуда посвящена повесть «Отец Сергей». Она очень подробно исследована как отечественными, так и западными литературоведами. Особенно внимательным всегда было отношение к агиографическим источникам повести (Пролог, Четьи Минеи и другие сборники житий, имеющиеся в яснополянской библиотеке) и к интерпретации ею агиографического канона[8: 1-4]. О чудесах, которые совершает Отец Сергей, А.Г. Гродецкая говорит, что они, хотя и выдержаны в пародийном ключе, но все же целиком могут быть соотнесены с традиционными житийными чудесами. Между тем, понимание Толстым роли чуда было таково, что именно в этом, как мы показали выше, и заключается переосмысление не только житийного канона, но и христианской традиции понимания Откровения в целом. Он настойчиво повторяет мысль о том, что Христос сам отвергает чудо в смысле подтверждения бытия Божия и ожидания чуда: «люди ждут чудес, вмешательства Бога, а Бог в них, Бог есть жизнь; отдай ей, поверь ей, и ты жив» [5: 251].

Чудеса отца Сергия соблазнительны. Они соблазняют не только прихожан, но – в первую очередь – его самого. Когда он совершает чудеса постоянно, он сам чувствует, что «дьявол подменил всю его деятельность для Бога деятельностью для людей». Именно в совершении чудес он доходит до самозабвения, до греха гордыни. «И отец ее [Марьи – С.Г.] и она считали его угодником, таким, чья молитва исполнялась. Он [отец Сергей – С.Г.] отрекался от этого, но в глубине души сам считал себя таким. Он часто удивлялся тому, как это случилось, что ему, Степану Касатскому, довелось быть таким необыкновенным угодником и прямо чудотворцем, но то, что он был такой, не было никакого сомнения: он не мог не верить тем чудесам, которые он сам видел» [3 (31: 34)]. Это последнее «сам видел» вместо «сам совершил» и указывает на заблуждение, на соблазненность. Чудо породило его веру в Бога и Откровение, которая была эгоистичной, и потому разрушилась после падения. Именно поэтому мысль «нет Бога» лишает его на некоторое время возможности жить дальше. Но сюжет «Отца Сергия» снова о воскресении и новом, истинном понимании жизни.

Для чего Толстой делает отца Сергия чудотворцем? Пародией на агиографию этого не объяснить: ведь чудеса действительно совершаются. Между тем, в задачи Толстого не входило разоблачение чудес отца Сергия. Это истинно совершившиеся чудеса, но они не важны и не нужны для воскресения, потому что важна только жизнь духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973.
2. Мардов И.Б. Лев Толстой на вершинах жизни. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Терра, 1992.

4. Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. – М.: Эксмо, 2004.
5. Толстой Л.Н. Исследование догматического богословия [Электронный ресурс]. Заголовок с экрана. Доступно: http://lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0150.shtml.
6. Витгенштейн Л. Лекция об этике // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. – М.: Канон+, 2009.
7. Гродецкая А.Г. Мораль патерикового жития в «Отце Сергии» [Электронный ресурс]. Заголовок с экрана. Доступно: http://www.newruslit.ru/for_classics/tolstoy/tolstoy_081106_1.

УДК 811.21.13

Ольховая Н.А.
(Горловка, Украина)

РОМАН АНАТОЛИЯ ГЛЕБОВА «КОТЕЛЬНИКОВ»: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

Стаття присвячується аналізу жанрових особливостей роману А.Глебова «Котельников», у ній підкреслюється документально-біографічний характер оповідання, що дозволяє використовувати конкретно-історичні імена і факти. Роман опублікований вперше.

Ключові слова: роман, документально-біографічний, історичний, факт, творчість

Статья посвящается анализу жанровых особенностей романа А.Глебова «Котельников», подчеркивается документально-биографический характер повествования, позволяющий использовать конкретно-исторические имена и факты. Роман опубликован впервые.

Ключевые слова: роман, документально-биографический, исторический, факт, творчество

The article is devoted to the analysis of genre peculiarities of A. Glebov's novel «Kotelnikov», the documentary biographical character of the narration is underlined in the novel. It lets us use concrete historical names and facts. The novel is published for the first time.

Key words: novel, documentary-biographical, fact, creative work.

Анатолий Глебов (Настоящая фамилия – Анатолий Глебович Глебов-Котельников) поэт, писатель, драматург, переводчик, театральный деятель – в последние десятилетия может быть отнесен к числу «забытых писателей». Но в 20-30-е годы двадцатого столетия о нем и его пьесах в центральных газетах, в местных газетах, в искусствоведческих изданиях и в общеполитической прессе было опубликовано около четырехсот (!) статей, рецензий, о Глебове спорили, Глебова поднимали и ниспровергали. В последующие десятилетия, хотя писатель продолжал свою деятельность, в печати появлялись только эпизодические упоминания о нем.

© Ольховая Н.А., 2011